

Русский театр в Риге

(От специального корреспондента «Правды»)

Обычный будний день. В зрительном зале Русского театра пусто, но на сцене хор распевает советские песни. Это — очередная репетиция агитационного коллектива при Русском театре, созданного в июльские дни по инициативе актера Берсенева. В агитационном коллективе — тридцать человек, преимущественно молодежь. Ознакомление широких масс трудящихся с русским народным искусством, художественное обслуживание собраний, митингов, демонстраций, рабочих клубов при фабриках и заводах — такова цель агитколлектива.

Первое выступление, состоявшееся на общенародной демонстрации в Риге 6 августа, вызвало всеобщее одобрение. В репертуаре агитколлектива — советские песни, в том числе «Песня о Сталине», «В бой за родину, в бой за Сталина», рассказы и стихи советских писателей и поэтов, ансамбль народных танцев. Сейчас агитколлектив готовится к выступлению в День авиации, 18 августа.

Агитколлектив при Русском театре — это первые шаги новой жизни театра, вырвавшегося, наконец, из затхлой, душливой атмосферы, в которой прозябал театр целых двадцать лет.

Беседуем с актерами Я. Ф. Бузатовым, Ю. Н. Дебур, В. В. Клименко, режиссером театра Ю. Н. Юровским, артисткой Т. А. Ратлауз и другими. Сейчас их лица радостно оживлены. Они довольны и тем, что горькое прошлое осталось позади, и тем, что театр, весь коллектив, горячо и искренне откликнулся на последние события, приняв в них активное участие и внес свою долю в праздник освобожденного латвийского народа.

Вспоминаются мрачные, безотрадные дни истории театра, еле-еле вливающего существование. Начало театра, обычное для капиталистических стран, — на предпринимательских прожектах, по выражению артиста Бузатова. Целая история различных мытарств. От антрепренера театр перешел в руки «Товарищества актеров», затем — к «Обществу друзей Русского театра». К тому времени театр выселили из хорошего здания «Латвийского общества», чтобы там «не пахло русским духом», и переставили какое-то жалкое помещение.

Небольшой, на 450 мест, зрительный зал еще более или менее удовлетворителен, но сцена, кулисы настолько бедны и тесны, что приходится унывать, как только люди могли работать. Небольшая клетка в 12 квадратных метров служила уборной для десяти актеров.

Несколько раз вставал вопрос «о целесообразности существования театра». События трудом русским артистам, антизатхлым своего дела, удалось отогнать театр. Но при каких условиях? После ультимативного переворота 15 мая 1934 года театр мог существовать только при условии сокращения заработной платы артистам на 50 процентов и резкого снижения всех расходов по театру. Квалифицированные артисты получали максимум 180 лат в месяц, редко кому удавалось перешагнуть за 200 лат. Это были счастливы. Минимум заработной платы опускался до 50 лат. Частенько приходилось искать побочных заработков: торговля мороженым на взморье, ловля рыбы... Многие не выдерживали, уходили на тяжелую работу, даже нанимались сторожами.

Во главе театра стоял чиновник, назначенный министерством и ничего не смысливший в искусстве.

Единственно, что вносило светлый луч в беспросветную, как в дремучем лесу жизнь театра, — это постановка советских пьес. До переворота 15 мая 1934 года театр еще имел возможность ставить советские пьесы. Но после этой даты возникли новые, трудно преодолимые препятствия. Отторгнуться «китайской стеной» от другого мира, от мира социализма, вытравить из стен театра все, что чуждо было плутократической клике, но близко и понятно народу, — это требованию тогдашних вершителей судеб Латвии тяжелым камнем завалило коллектив Русского театра. Лица, рискнувшие посетить Русский театр, тем более советскую пьесу, переживали потому немало горьких минут и попадали в список тех, за которыми «следует наблюдать».

И все же, несмотря на все рогатки, Русский театр ставил советские пьесы. Были поставлены: «Чужой ребенок», «Платон Кречет», «Ночной смор», «Простая девушка», «Дорога певцов», «Таня» и другие пьесы.

Коллектив театра с болью в сердце вспоминает сейчас о диком произволе и чудовищном невежестве цензурных чиновников. Во время читки пьесы сидел цензор с карандашом в руках и вычеркивал, вычеркивал, не считаясь ни с логикой, ни с чем. Изуродован сценарий, уходил довольный, и его же приходилось благодарить за разрешение. Приходилось подавать цензору текст в трех экземплярах, в том числе даже текст Пушкина. Если в пьесе упоминались слова «Красная Армия», то «красная» вычеркивалась, а «армия» оставалось. «Свадьбу в Мадзиневке» так и не разрешили ставить. Суровый цензор спрашивал:

— А как будут выглядеть красноармейцы?

— Ну, так, как они выглядят в своей форме.

— Нет, не разрешаю...

Слово «товарищ» также запрещалось произносить на сцене. Были случаи издевательства над текстами Пушкина и Лермонтова. Когда по ходу одной пьесы действо должно было происходить в московском метро, цензор распорядился перенести это действие на территорию... Кегульской электростанции в Латвии. В ответ на предложение театра поставить пьесу Горького цензор обычно говорил: «Нежелательно».

Когда ставилась советская пьеса, в зал приходили жители Латвийского предместия города — рабочие, ремесленники, мелкие служащие. И тогда между сценой и зрительным залом устанавливался контакт взаимопонимания. Были довольны и артисты, и зрители.

Прошлое осталось позади. Коллектив театра зажил новой жизнью. За последние два месяца театр дал 12 спектаклей советского репертуара, несколько концертов. Зрители были красноармейцы и граждане Советской Латвии. Артисты говорят:

— Мы испытываем творческий подъем. Мы слышали и видели приезжавший из столицы Советского Союза — Москвы — красноармейский ансамбль песни и пляски и были восхищены. Теперь нам нужно учиться на образцах замечательного искусства Советского Союза.

В театре вышел первый номер стенной газеты, готовится второй. На днях начнутся занятия по политучебе. Театр включился активно в политическую жизнь страны. Театр — на верной дороге.

В. КРУЖКОВ.

Рига.